

УДК 81'28:62(=511.1)(43)(091)
DOI 10.17223/18137083/53/3

В. Н. Денисов, А. Е. Загребин

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

**Из истории фонографических и граммофонных записей
представителей финно-угорских народов
в годы Первой мировой войны
в Австро-Венгрии и Германии ***

Статья посвящена истории записей военнопленных – представителей финно-угорских народов Российской империи, оказавшихся в плену в Австро-Венгрии и Германии в 1915–1918 гг. Гуманитарный проект был организован по инициативе Австрийской, Венгерской и Германской Академий наук в лагерях военнопленных в трудное военное время. Для проведения записей использовались технические возможности Берлинского фонограммархива и Фонограммархива Австрийской академии наук, которые обладали самой современной на тот период звукозаписывающей аппаратурой – фонографами и граммофонами. В качестве научных консультантов в проект приглашались лучшие специалисты того времени: антропологи, этнографы, музыковеды и лингвисты. Благодаря этим записям у наших современников есть возможность не только увидеть письменные материалы, но также и услышать голоса, записанные в начале XX столетия.

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгрия, Германия, фонограммархив, фонограф, граммофон, военнопленные, фольклорно-лингвистические записи, информанты, финно-угорские народы.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573 «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

Денисов Виктор Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004, Россия; vicnicden@gmail.com)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004, Россия; zagreb72@izh.com)

Значимые юбилеи нередко становятся поводом к возвращению, новому прочтению и порой к переоценке прежних взглядов на ключевые даты в истории человечества. Одним из таких событий стала Первая мировая война (1914–1918 гг.), долгое время намеренно обходящая вниманием отечественной историографии и затерянная в героике Гражданской войны. В преддверии столетия с начала первого глобального военного конфликта было выполнено немало оригинальных исследований, обращенных к ранее «забытым» темам, включая историю плена. Миллионы военнопленных всех противоборствующих сторон оказались тогда во власти обстоятельств, требовавших выработки адаптационных практик в состоянии милитаризованной несвободы¹.

Военнопленные, пребывавшие в лагерях Четверного союза, различались по национальной принадлежности, языку, вероисповеданию и культурным традициям, поскольку в армии стран Антанты под ружье были призваны солдаты из самых дальних территорий, включая азиатские, африканские и латиноамериканские земли. Среди российских военнопленных, попавших в лагеря Австро-Венгрии и Германии, были и представители финно-угорских народов: удмурты, коми, коми-пермяки, мордва, марийцы, карелы, финны, эстонцы [Nachtigal, 2012, p. 27]. Сложившейся в лагерях этнографической ситуацией заинтересовались ученые из Германской, Австрийской и Венгерской академий наук, обратившиеся в военные ведомства своих стран с просьбами о разрешении на проведение научных работ среди военнопленных. Приоритетной задачей виделась организация записи фольклорно-лингвистических материалов от пленных информантов, в том числе с использованием звукозаписывающего оборудования.

В Австрии инициаторами изучения военнопленных выступили антрополог Рудольф Пёх и композитор Роберт Лах. На венгерских землях «лагерной филологией» занимались лингвисты – Бернат Мункачи, Давид Рафаэль Фокош-Фукс, Эден Беке, Антал Клемм и Игнац Кунос. Работу с пленными в Германии проводил Вильгельм Дёген и другие члены Королевской прусской фонографической комиссии. На тот период в Вене и Берлине уже действовали звуковые хранилища – фонограммархивы, ставшие базовыми учреждениями для проведения записей, расшифровки полученных звуковых материалов и дальнейшей их публикации. Участие венгерских ученых в работе с военнопленными сыграло решающую роль в том, что из лагерей Австро-Венгрии было привлечено к звукозаписи немало представителей финно-угорских народов из Российской империи.

Записи еще продолжались, а из печати уже вышли два сборника, в которых был сделан предварительный анализ собранных фольклорно-лингвистических материалов. В них вошли марийские, чувашские, эстонские, мордовские, коми-зырянские и коми-пермяцкие песни (Lach, 1917; 1918). Материалы расшифровки Б. Мункачи и Д. Р. Фокоша-Фука легли в основу следующего, наиболее известного труда Р. Лаха, охватывающего песенное творчество пермских народов (Lach, 1926). В нем представлены расшифровки текстов 155 песен, которые включают 80 удмуртских, 64 коми-зырянских и 11 коми-пермяцких напевов. Тексты транскрибированы латиницей; каждая песня снабжена точным переводом на немецкий язык. Ценность работы дополняется тем, что многие песни имеют нотные записи, сделанные автором. Таким образом, значительная часть фольклорных записей неформальной исследовательской группы Р. Лаха, Б. Мункачи, Д. Р. Фокоша-

¹ В историографии встречаются разные данные о числе российских военнопленных. Так, по подсчетам Е. Ю. Сергеева, в плен попали 3 млн 395 тыс. нижних чинов и 14 тыс. 323 офицера и генерала, что составило 74,9 % боевых потерь русской армии, или 21,2 % от общего числа мобилизованных. Более поздние исследования говорят, что в немецких и австро-венгерских лагерях оказалось до 1,5 млн солдат и офицеров русской армии (см.: [Сергеев, 1996, с. 66; Nachtigal, 2008, S. 345–384]).

Фукса была самым тщательным образом расшифрована, описана и издана [Денисов, 2014].

При проведении записей австро-венгерские ученые тщательно документировали весь процесс, заводя на каждого военнопленного «сопроводительный лист», в котором указывали место рождения информанта, а также его родителей, национальность, профессию, уровень грамотности, религиозную принадлежность, дату записи, лагерь и жанр исполняемого произведения. Иногда на этих же листах приводилась письменная расшифровка текста песни или рассказа. В тех случаях, когда информант был грамотным, он сам заранее писал текст, который предстояло зафиксировать. Если информант не мог сам записать свой текст, это делали за него другие грамотные участники записей.

Что касается записей мордвы, то их в послевоенные годы описывал и расшифровывал немецкий финно-угровед Эрнст Леви (Lach, 1933), марийскими записями занимался венгерский лингвист Эден Беке (Beke, 1938). Таким же образом были подготовлены и изданы коллекции записей военнопленных других народов Российской империи: абхазов, осетин, мегрелов, сванов (Lach, 1931), башкир (Lach, 1939), чувашей (Lach, 1940).

По завершению процесса записи рабочие материалы передавались в Фонограммархив Австрийской академии наук, где они хранятся в соответствующих условиях по настоящее время. Следует отметить, что эти материалы оказывают большую помощь в расшифровке записей других групп военнопленных из бывшей Российской империи, которые в связи со столетием начала Первой мировой войны в ближайшем будущем будут опубликованы австрийскими коллегами.

В звуковых архивах Германии, в частности, Берлинском фонограммархиве и Звуковом архиве университета им. Гумбольдта хранятся не менее значительные коллекции образцов речи и фольклора финно-угорских народов. История их появления также связана с периодом Первой мировой войны, когда осенью 1915 г. по инициативе профессора Карла Штумпфа была создана Королевская прусская фонографическая комиссия, в которую вошли немало известных ученых: лингвистов, антропологов, этнологов, музыковедов и востоковедов. Задачей комиссии было проведение антропологических и этнографических исследований в лагерях военнопленных, включая фольклорные и языковые записи. Члены комиссии обследовали почти 70 лагерей на территории Германии, но сами записи были проведены в 31 лагере [Roos, 2012, p. 45]. В общей сложности удалось зафиксировать материалы 250 языков и диалектов из разных регионов мира, а количество информантов доходило до 2 000. Столь массовое привлечение военнопленных к научным исследованиям было, пожалуй, единственным в своем роде случаем в истории войн. Помимо записей образцов речи и фольклора одновременно снимались антропологические данные с информантов, проводилось фотографирование некоторых из них, иногда даже использовался фоторентген для фиксации работы речевых органов.

Звуковые записи велись как на фонографе Т. Эдисона, так и с помощью граммофона Э. Берлиндера. Результаты работы были зафиксированы на 1 022 восковых валиках и 1 651 шеллаковой пластинке. Длительность звучания записей на восковых валиках составляла примерно 2 минуты, а на шеллаковых пластинках – до 4 минут. При этом языковые записи велись преимущественно на грамофонные (шеллаковые) пластинки, а музыкальные – на восковые валики. В таблице представлен перечень изучаемых немецкими учеными народов Российской империи с указанием количества записанных восковых валиков, хранящихся в Берлинском фонограммархиве (жирным шрифтом выделены представители финно-угорских народов).

Национальность	Количество записей	Национальность	Количество записей
Русские	106	Чуваши	11
Украинцы	61	Марийцы	9
Татары	61	Эстонцы	6
Немцы-колонисты	38	Зыряне	5
Армяне	31	Литовцы	4
Евреи	31	Башкиры	4
Мордва	16	Азербайджанцы	3
Удмурты	12		

Сотрудники Фонографической комиссии протоколировали процесс записи, заполняя специальные анкеты, в которых указывались персональные данные информанта, включая: место и дату рождения, информацию о родителях, профессию, знание языков, умение играть на музыкальных инструментах и т. д. Также подробно вносилась информация на карточки военнопленных-информантов при записи на шеллаковые пластинки. Немецкие ученые, в отличие от своих австро-венгерских коллег, не планировали в ближайшей перспективе завершать исследования собранных материалов публикациями. На тот период их больше интересовали количественные показатели. К сожалению, при проведении фонографических записей фольклора сотрудники комиссии часто отступали от заведенных правил и сопроводительные описания велись схематично, без необходимых подробностей. Поэтому в рукописных материалах Берлинского фонограммархива сейчас не всегда можно найти полные данные об информантах, в том числе и представителях финно-угорских национальностей.

Из записей военнопленных Первой мировой войны на сегодняшний день наиболее полно изучены эстонские материалы. Несколько лет назад была опубликована совместная работа эстонских и немецких ученых, в которой авторы скрупулезно исследовали сохранившиеся в берлинских архивах записи, включая проведение фонетического и лексического анализа речевых образцов носителей эстонского языка начала XX в. [Encapsulated Voices, 2012].

В настоящее время сотрудники Берлинского фонограммархива заняты в специальном проекте по подготовке публикации всех рукописных и звуковых материалов времен Первой мировой войны, связанных с записями военнопленных. Сюда же должны войти и материалы, хранящиеся в Звуковом архиве университета им. Гумбольдта. До завершения проекта все рукописи и звуковые образцы изъяты из общего пользования. Но есть надежда, что после завершения проекта все указанные уникальные материалы станут доступными для исследователей.

Следует отметить, что в Берлинском фонограммархиве есть немало других звуковых коллекций, собранных в разные годы в различных регионах мира [Ziegler, 2006]².

² Из коллекций, собранных на территории России, заслуживают внимания следующие материалы:

- В. Г. Богораз, В. И. Йохельсон в 1900–1902 гг. (Колымский край: якуты, юкагиры, сибирские казаки);
- Е. Э. Линева в 1902 г. (Россия: русские);
- А. Дирр (Adolf Durr) в 1909–1914 гг. (кавказский регион: абхазы, мегрелы, сваны, осетины);
- Р. Пелисье (Robert Pelissier) в 1911–1912 гг. (Вятская и Пермская губернии России: мордва, удмурты, татары, русские);
- Е. Рудел (Eugen Rudel) в 1912 г. (Сибирь и Дальний Восток: буряты, орохоны);

Таким образом, за пределами России хранятся ценные звуковые материалы, которые полезно было бы сделать доступными для отечественных исследователей. В российских звуковых архивах трудно найти столь ранние записи такого высокого качества звучания с подробными расшифровками и описаниями, датированными первой половиной XX в. Особое место в этом ряду, на наш взгляд, составляют записи российских военнопленных времен Первой мировой войны, как с научной, так и гуманитарной точек зрения. Звуковые записи военнопленных, сделанные учеными из Австро-Венгрии и Германии, несомненно, способствовали сохранению уникального историко-культурного наследия многих народов мира, в том числе финно-угорских народов России.

Список литературы

Денисов В. Н. История одного «невоенного проекта»: фонографические и грамофонные записи военнопленных-удмуртов в 1915–1918 гг. в Австро-Венгрии и Германии // Удмуртский край в годы Первой мировой войны / Под ред. А. Е. Загребина и Н. В. Тойкиной; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 171–185.

Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918 / Ed. by J. Ross; Estonian Acad. of Music and Theatre, Tallinn. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Publ., 2012. (Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart, Herausgegeben im Auftrag der Baltischen Historischen Kommission von Michael Garleff und Paul Kaegbein; Bd 5).

Nachtigal R. Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2008. No. 67.

Nachtigal R. Troops of Estonian origin among Russian POWs in Germany in 1914–1918 // Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918 / Ed. by J. Ross. Estonian Acad. of Music and Theatre, Tallinn. Böhlau Publ.: Cologne; Weimar; Vienna, 2012. P. 27–40.

Ross J. On Estonian recordings made in German prisoner-of-war camps during World War I // Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918 / Ed. by J. Ross. Estonian Acad. of Music and Theatre, Tallinn. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Publ., 2012. P. 41–57.

Ziegler S. Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs, Staatliche Museen zu Berlin. Berlin, 2006.

Список источников

Beke Ö. Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern. Helsinki, 1938.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916. Wien, 1917.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien, 1918.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Bd: Finnisch-ugrische Völker. 1. Abt.: Wotjakische, syrtjänische und permiakische Gesänge / Transkr. und Übers. der wotjakischen Texte von Prof. Dr. B. Munkácsi, der syrtjänischen und permiakischen von Dr. R. Fuchs. Wien; Leipzig, 1926.

-
- Х. Финдайзен (Hans Findeisen) в 1927–1928 гг. (Сибирь и Дальний Восток: буряты, кеты, ханты, эвенки (тунгусы));
 - Э. Малер (Elsa Mahler) в 1937–1938 гг. (Россия: Печора).

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. III Bd: Kaukasusvölker. 2. Abt.: Mingrelische, abchasische, svanische und ossetische Gesänge / Transkr. und Übers. der Text von R. Bleichsteiner. Wien; Leipzig, 1931.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Bd: Finnisch-ugrische Völker. 2. Abt.: Mordwinische Gesänge / Transkr. und Übers. der mordwinischen Originalliedertexte von Prof. Dr. E. Lewy in Berlin. Wien; Leipzig, 1933.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. II Bd: Turktatarische Völker. 2. Abt.: Baschkirische Gesänge / Transkr. und Übers. der baschkirischen Originalliedertexte von Dr. H. Jansky in Wien in Verbindung mit Dr. T. Galimdschan. Wien; Leipzig, 1939.

Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Bd: Finnisch-ugrische Völker. 4. Abt.: Tschuwaschische Gesänge / Transkr. und Übers. der tschuwaschischen Originalliedertexte von Dr. K. Gronbech. Wien; Leipzig, 1940.

V. N. Denisov, A. Ye. Zagrebin

**From the history of phonographic and gramophone recordings
of representatives of Finno-Ugric peoples in Austria-Hungary and in Germany
during the World War I**

The paper is devoted to the history of the recordings of war prisoners, representatives of Finno-Ugric peoples from the Russian Empire taken prisoners in Austria-Hungary and in Germany in 1915–1918. This humanitarian project was organized on the initiative of the Austrian, Hungarian and German Academies of Sciences in the prison camps at the hard wartime. To carry out the recordings use was made of the technical capabilities of the Berlin Phonogram-archive and the Phonogram-archive of the Austrian Academy of Sciences which possessed the most up-to-date sound recording equipment for that period – phonographs and gramophones. Invited as scientific consultants to the project were the best experts of the time: anthropologists, ethnographers, musicologists and linguists. Thanks to these recordings our contemporaries have an opportunity not only to see the written materials, but also to hear the voices recorded at the beginning of the 20th century.

Keywords: World War I, Austria-Hungary, Germany, phonogram-archive, phonograph, gramophone, prisoners-of-war, folklore and linguistic recordings, informants, Finno-Ugric peoples.

DOI 10.17223/18137083/53/3